

---

## ФОЛЬКЛОР: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 398.22(=551.3)

DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-90-99

### Функции травы в обрядовой практике, фольклорных текстах и бытовой жизни камчатских коряков-нымыланов

Т. А. Голованева

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия*

#### *Аннотация*

Сбор и заготовка трав, плетение из травы играли важную роль в бытовой жизни коряков-нымыланов, что нашло свое отражение в мифологическом фольклоре и обрядовой практике. В традиционной культуре коряков-нымыланов траву-осоку (*Cyperaceae*), по-алюторски *лыг'утау* [lɛʃʉtaŋ] (в русской огласовке *лаутэн*), использовали во время проведения обрядов. Считалось, что трава-лаутэн притягивает удачу, здоровье. В нимыланских мифологических рассказах лаутэн упоминается в качестве средства, позволяющего защититься от злых духов-нинвитов. В сказках, в отличие от обрядов и мифологических рассказов, упоминается трава другого вида – *vig'э* [v'ʉʃe] 'мятлик луговой' (*Poa pratensis* L.). Трава *vig'э* олицетворяется. Антропоморфность травы *vig'э* как мифологического персонажа проявилась также в загадках и поверьях. В нимыланской культуре плетением из травы занимались исключительно женщины, поэтому травяные персонажи корякского фольклора имеют женскую природу. Для плетения изделий нимыланки использовали траву *тыв'аю* [təwáju] 'колосняк, род многолетних травянистых растений семейства злаковые' (*Leymus mollis*). Из травяных нитей плели не только коврики, но также корзинки и корзины. Утраченный к настоящему времени традиционный уклад коряков-нымыланов послужил основой для формирования фольклора.

#### *Ключевые слова*

северо-восточные палеоазиаты, коряки, нимыланы, чукотско-камчатские языки, алюторский язык, корякский фольклор, Вороний цикл, мифологические представления, плетение из травы, трава в фольклоре

#### *Для цитирования*

Голованева Т. А. Функции травы в обрядовой практике, фольклорных текстах и бытовой жизни камчатских коряков-нымыланов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53). С. 90–99. DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-90-99

© Т. А. Голованева, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 1 (Вып. 53)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 53)

## Functions of grass in ritual practice, folklore texts, and everyday life of Kamchatka Koryak-Nymylans

T. A. Golovaneva

*Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation*

### Abstract

This study focuses on the role of grass within the traditional Koryak-Nymylan culture. This research primarily employs a comparative-historical methodology, enabling analysis of folklore texts within their historical context and in relation to contemporaneous ethnographic and ritualistic practices. The interpretation of the Alutor lexicon was performed with the support of word-formation analysis. The Alutor language includes distinct terms for various grasses, such as *ləʃutaŋ* grass (*Cyperaceae*), *təwaju* grass (*Elymus mollis*), and *v'iʃe* grass (*Poa pratensis* L.). In the traditional culture of the Nymylan, grass *ləʃutaŋ* (*Cyperaceae*) was used during rituals. *Lauten* grass was believed to attract good luck and health. In Nymylan mythological stories, the *ləʃutaŋ* grass is mentioned as a means to protect oneself from evil spirits-*niŋvit*. Koryak-Nymylan narratives, unlike their ritualistic and mythological counterparts, feature a distinct species of grass: *v'iʃe* grass (*Poa pratensis* L.). In fairy tales, the *v'iʃe* grass is personified. Given that grass weaving was the exclusive domain of Nymylan women, the feminine essence of the grass characters in Koryak folklore is thus explained. The anthropomorphic nature of the *v'iʃe* grass as a mythological character is also manifested in riddles and beliefs. The Koryak-Nymylans used the *təwaju* grass (*Leymus mollis*) for weaving. Grass threads were used to weave mats and baskets. The traditional way of life, which has been lost by now, served as a basis for the formation of national folklore.

### Keywords

north-eastern Paleoasiates, Koryaks, nymylans, Chukotko-Kamchatsky languages, Alutor language Koryak folklore, Big Raven cycle, mythological beliefs, grass weaving, grass in Folklore

### For citation

Golovaneva T. A. Functions of grass in ritual practice, folklore texts and everyday life of Kamchatka Koryak-Nymylan. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 1 (iss. 53), pp. 90–99. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2025-1-90-90

### Введение

Коряки-нымыланы и коряки-чавчувены представляют собой две субэтнические группы в составе более крупной общности, которую в научной литературе принято называть «коряки» [Johelson 1908; Антропова 1971; Вдовин 1973; Малюкович 2023]. Коряки преимущественно проживают в Камчатском крае. Основой жизни коряков-чавчувенов, кочевников, было крупнотабунное оленеводство. Иначе была организована жизнь коряков-нымыланов. Они вели (полу)оседлый образ жизни, занимались рыболовством, морским зверобойным промыслом, собирательством, отчасти мелкотабунным оленеводством [Антропова 1971: 21].

В 1991 г. состоялась комплексная экспедиция сотрудников Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и Института истории, филологии и философии СО АН СССР в Корякский автономный округ (далее – КАО) для записи образцов фольклора коряков-нымыланов. Фольклорные образцы были рассказаны коряками-нымыланами на алюторском языке<sup>1</sup>. Позже, в 2004 и 2006 гг. сотрудники Института филологии СО РАН организовали еще две масштабные комплексные экспедиции на север Камчатки, в ходе проведения которых фонд записей корякского (нымыланского) фольклора был существенно пополнен.

В настоящее время в секторе фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН ведется подготовка тома «Фольклор коряков-нымыланов» в рамках 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Издание национальных текстов сопряжено с решением ряда исследовательских задач, суть которых заключается не только в расшифровке экспедиционных аудиозаписей и их переводе на русский язык, но и в составлении комментариев. Согласно базовой концепции серии, публикация фольклорных об-

<sup>1</sup> Термин «алюторский язык» используется в лингвистической литературе и официальных документах для номинации языка коряков-нымыланов [Алфавитный список языков России 2000; Бурлак, Старостин 2005: 34; Муравьева 2013].

разцов непременно должна сопровождаться подробными пояснениями, призванными раскрыть те особенности жизни этноса, в контексте которых сформировался фольклор.

Под воздействием объективных социально-экономических факторов традиционный уклад корякской жизни остался в прошлом, однако некоторые его черты были подмечены этнографами. Изучение этнографических материалов, отражающих особенности традиционной культуры коряков-нымыланов, позволяет приблизиться к осмыслению нимыланского повествовательного фольклора как культурологического феномена, обусловленного не только особенностями психической организации человеческой природы как таковой, но также этнической спецификой быта, в условиях которого эта фольклорная система сложилась. Цель данной статьи – на частном примере показать взаимообусловленность образов повествовательного фольклора, особенностей обрядовой практики и своеобразия бытовой жизни как трех аспектов проявления этнической культуры. Частный предмет исследования – функции травы в традиционной культуре коряков-нымыланов. В качестве источниковой базы были использованы корякские (нымыланские) фольклорные тексты на алуторском языке из фонда сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН и полевые материалы из личного архива автора (далее – ЛАА), а также опубликованные работы по этнографии коряков. Основным методом исследования является сравнительно-исторический, который позволяет анализировать явления фольклорного текста в их исторической ретроспективе и в связи с историческими и этнографическими реалиями быта и обрядовой практики. Интерпретация алуторской лексики была проведена с опорой на словообразовательный и морфемный виды анализа.

### Результаты и обсуждение

В алуторском языке существуют названия для нескольких видов травы: *лыг'утау* [ləʃútaŋ] 'осока' (*Cyperaceae*), *тыв'аю* [təwájɤ] 'колосняк, дикая рожь' (*Elymus mollis*), *виг'э* [v'ie] 'мятлик луговой' (*Poa pratensis* L.).



*Лыг'утау* [ləʃútaŋ]  
'осока'  
(*Cyperaceae*)



*Тыв'аю* [təwájɤ]  
'колосняк, дикая рожь'  
(*Elymus mollis*)



*Виг'э* [v'ie]  
'мятлик луговой'  
(*Poa pratensis* L.)

Рис. 1. Номинации травы в алуторском языке (Фото из открытых источников)  
Fig. 1. Nominations of grass in the Alutor language (Photo from public sources)

В традиционной культуре коряков-нымыланов траву-осоку *лыг'утау* [ləʃútaŋ] (в русской огласовке *лаутэн*) использовали во время проведения обрядов, что зафиксировано в этнографических исследованиях. Так, М. Е. Беляева и А. А. Сорокин отмечают, что в настоящее время коряки Карагинского района «при проведении обряда жертвоприношения настоящую собаку<sup>2</sup> заменяют на сплетенную из травы-лаутэн (вид осоки болотной)» [Плетение изделий... 2018: 12].

Традиция заготовки травы-лаутэн для проведения охранительных обрядов поддерживается в некоторых нимыланских семьях вплоть до настоящего времени.

<sup>2</sup> Ритуал жертвоприношения собаки сохраняет свою актуальность в корякской культуре вплоть до настоящего времени и имеет глубинные мифологические истоки. Подробности проведения этого ритуала в ходе одного из промысловых праздников коряков-чавчуженов описаны в статье [Тирон 2023: 66–67].



Рис. 2. Трава-осока (лаутэн), собранная для просушки,  
с. Тымлат Карагинского района Камчатского края, август 2024 г. Фото Ольги Плетневой  
Fig. 2. Grass sedge (lauten) collected for drying,  
с. Tymlat, Karaginsky District, Kamchatka Territory, August 2024. Photo by Olga Pletneva



Рис. 3. Заготовка травы-лаутэн, необходимой для проведения охранительных обрядов.  
Слева Ольга Плетнева (нымыланское имя *Нутаџав'ыт*),  
справа Дарья Васильевна Упит (нымыланское имя *Ѓав'в'ыт*),  
с. Тымлат Карагинского района Камчатского края, август 2024 г.  
Фото из личного архива Л. И. Чечулиной  
Fig. 3. Harvesting of the lauten herb necessary for conducting protective rituals.  
On the left is Olga Pletneva (Nymylan name *Nutaџawyт*),  
on the right Daria Vasilievna Upit (Nymylan name *Ѓawwыт*),  
с. Tymlat, Karaginsky district, Kamchatka territory, August 2024.  
Photo from the personal archive of L. I. Chechulina

Трава-лаутэн использовалась для изготовления ритуальных фигурок животных во время промысловых праздников. Так, на Празднике нерпы Милангыт<sup>3</sup> из ольховых веточек делали небольшие чучелки добытых в течение года нерп и перевязывали символические фигурки священной травой-осокой (лаутэном): *Ѓаваџ ыннан калилъын ганмылин, нутаџ натэкыткынав' калилъу, ыннин накылтыткына лыг'утаџа накылтыткына* 'Если одну нерпу добыл [охотник], [то] две делают нерпы, [фигурки] из веток, [обязательно должна быть пара – самец и самка], их

<sup>3</sup> Праздник нерпы проводили во второй половине ноября, начале декабря. В Анапке этот праздник назывался *Милангыт* (*милымил* 'нерпа' + *ангыт* 'праздник'). В этнографической литературе отражено другое название – Хололо, зафиксированное этнографами в с. Карага [Вдовин 1971: 38; Малюкович 2023: 184–188].

перевязывают [посередине], лаутэн»<sup>4</sup>. Считается, что трава-лаутэн притягивает удачу, здоровье, поэтому ее использование было обязательным для каждого участника праздника: *Гамгарак, бун маңки ынңин ывулаткыт Милангытыткук, йықмитив навьсунын кыявыткын, ынңин г'опта уттураракин г'опта ынңин лыг'утау накылтыткынанав'в'и. ... Ту оё-ё бун ралҕивылъу, мику ралҕивылъу ынңинав'в'и найылыткынав'в'и лыг'утау илюҕак накылтыткына. Таг'ыриг'в'и г'уямтав'илъу, бусаҕ ытгина ҕитаҕмыллыу – ҕитаҕмыллыу лыг'утау* 'В каждом жилище, где начинают проводить Праздник нерпы, [как только] утром женщина просыпается, и даже в деревянном доме, сразу эту священную траву-лаутэн привязывает. Оё-ё, вот гости, [всем], кто пришел, дают священную осоку-лаутэн, [каждый на свой] мизинец привязывает [травинку]. Сколько человек [в семье], если у кого-то семь – [значит], семь травинок осоки-лаутэн»<sup>5</sup>.

В нымьланских мифологических рассказах трава-лаутэн упоминается в качестве средства, позволяющего защититься от злых духов-нинвитов: *Лыг'утаңин нура гатэкылин лыг'утаңталат. Лыг'утаңталат ынңин ниңвитмынғылңын гилңаллин* 'Из травы лаутэн быстро [бабушка] сделала косу. Косой из травы-лаутэн руку злого духа-нинвита привязала'<sup>6</sup>.

Традиционная технология заготовки травы-осоки сохраняется до сих пор. Как объяснила нам Л. И. Чечулина, «лаутэн срезают в начале августа. В июле – еще рано, надо, чтобы лаутэн подрос, чтобы травинки стали подлиннее. После того как срезали, его надо посушить в тени. Потом расчесывают, чтобы сделать травинки более тонкими, изящными. Потом их заплетают и сушат»<sup>7</sup>. В семье Лидии Иннокентьевны хранится старинный гребешок для расчесывания травы лаутэн – *лыг'утаңпитип*<sup>8</sup>.



Рис. 4. *Лыг'утаңпитип* 'расческа для травы-лаутэн'. Предмет был передан старшими родственницами Л. И. Чечулиной, в настоящее время хранится в ее семье. Петропавловск-Камчатский, 2024 г. Фото Т. А. Голованевой  
 Fig. 4. *Ləṣutaŋpitiṣip* 'grass-lauten comb'. The object was handed down by senior relatives of L. I. Chechulina, and is currently kept in her family. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2024. Photo by T. A. Golovaneva

<sup>4</sup> «Воспоминание о проведении Праздника нерпы» (вариант I) рассказала Лидия Иннокентьевна Чечулина, 1957 г.р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на Корякского национального округа, записали А. А. Мальцева, Т. А. Голованева в июне 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

<sup>5</sup> «Воспоминание о проведении Праздника нерпы» (вариант II) рассказала Л. И. Чечулина, записали Т. А. Голованева, Е. Л. Тирон 29 ноября 2021 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

<sup>6</sup> Мифологический рассказ «Рука нинвита – злого духа» рассказала Анна Павловна Тюменцева, 1928–1992, записал Ю. И. Шейкин в 1991 г. в летнем поселении Лагуна Карагинского р-на Корякского автономного округа (Материалы архивного фонда сектора фольклора Института филологии СО РАН).

<sup>7</sup> Рассказала по-русски Л. И. Чечулина, записала Т. А. Голованева в октябре 2024 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

<sup>8</sup> В структуре лексемы *лыг'утаңпитип* 'расческа для травы лаутэн' содержатся две основы: стержневая основа – *питип* 'расческа, гребешок', зависимая основа – *лыг'утау* 'травя-осока, лаутэн'.

В корякских (нымыланских) сказках, в отличие от обрядов и мифологических рассказов, упоминается трава другого вида – *виг'э* [v'ʲʲe] 'мятлик луговой' (*Poa pratensis* L.). В сказках трава *виг'э* олицетворяется. В частности, одну из невест Амамкута<sup>9</sup>, красавицу и мастерицу, зовут *Иривиг'э*<sup>10</sup> 'спелая трава, созревшая трава'<sup>11</sup>. Иривиг'э, после того как ее покинул муж Амамкут, вынуждена жить вместе с маленьким сыном Акатню вдаль от людей. Акатню рассказывает людям: *Виг'эрак мытитыткы!* 'Мы живем в травяном доме!'. У Иривиг'э-спелой-травы нет звериных шкур для шитья одежды: *Наҕам ат Иривиг'энак г'оро тинга ынныван гакката: виг'айина кимитъав' гатэклау* 'И вот потом Иривиг'э-спелая-трава стала думать, как одеть сына: из травы одежду сделала'<sup>12</sup>. Изготовление одежды из травы – художественная подробность, функция которой состоит в том, чтобы показать нищету брошенной мужем женщины, вынужденной жить в одиночестве, без тех благ и возможностей, которые связаны с благосклонностью к ней мужчины-охотника. В то же время Иривиг'э-спелая-трава, владея умением плести из травы, все же способна позаботиться о себе и своем маленьком сыне.

Другой травяной персонаж корякского мифологического фольклора тоже женский – это старушка Ымми<sup>13</sup>, сестра Большого Ворона Куткынныку. В нымыланской культуре плетением из травы занимались исключительно женщины, именно поэтому травяные персонажи корякского фольклора имеют женскую природу.

Старушка Ымми живет в подземном жилище вдаль от многочисленного семейства своего брата Куткынныку. Она характеризуется как *виг'эЫмми* 'травяная Ымми': *Г'оро Ыммитиль галалин, виг'эЫмми*<sup>14</sup>. ... *Гаубул виг'эпиль тыг'асуйгатык* 'Потом Ыммишка пришла, травяная Ымми. ... Начала травинка цепляться'<sup>15</sup>. Тетя Ымми приходит на помощь племяннику или племяннице в виде путающейся в ногах травинки, которую они, не догадываясь, кто к ним пришел, выкидывают. Ымми сетует на недогадливость своих молодых родственников: *Виг'эпиль прыткыннин, г'оро ганцыпгаль лыганлың. «О-о, навылл'ыв'йуу гатаяньна! Асгикин*

<sup>9</sup> Амамкут – главный персонаж корякского мифологического фольклора, удачливый охотник, желанный жених, старший сын Ворона Куткынныку.

<sup>10</sup> В структуре имени *Иривиг'э* содержатся две основы: стержневая основа *виг'э* 'трава' и зависимая основа *ирив-* (*иритык* 'созреть, поспеть' (о дикоросах)).

<sup>11</sup> Тексты корякских (нымыланских) мифологических сказок из архивного фонда сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН: 1) «Амамкут и его жены», рассказала Наталья Григорьевна Чечулина, ок. 1918 г. р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на, записал Ю. И. Шейкин в августе 1991 г. в пос. Оссора Карагинского р-на КАО; 2) «Как жену Амамкута похитил Озерный нинвит», рассказала Анна Егоровна Мулитка, 1926 г. р., записали А. А. Мальцева, Е. Л. Крупич (Тирон), К. А. Сагалаев 11 августа 2004 г. в с. Вывенка Олюторского р-на КАО; 3) «Как аталы украли жену Амамкута», рассказала Елизавета Андреевна Эхивнав, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на, записали А. А. Мальцева, Е. Л. Крупич (Тирон), К. А. Сагалаев 13 августа 2004 г. в с. Вывенка Олюторского р-на КАО; 4) «Жены Амамкута», рассказала Дарья Андреевна Мулинаут, 1919 г. р., уроженка с. Вывенка Олюторского р-на, записали А. А. Мальцева, Е. Л. Крупич (Тирон), К. А. Сагалаев 15 августа 2004 г. в с. Вывенка Олюторского р-на КАО; 5) «Амамкутыкылыгын и женщина-Тритон», рассказала Татьяна Николаевна Голикова, 1937 г. р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на, записали А. А. Мальцева, Е. И. Жимулева (Исмагилова), К. А. Сагалаев, А. Г. Гомбожапов в августе 2006 г. в пгт Палана КАО.

<sup>12</sup> Мифологическая сказка «Как Амамкут из-за Тритоники оставил свою семью», рассказала Анна Егоровна Мулитка, 1926 г. р., записали А. А. Мальцева, Е. Л. Крупич (Тирон), К. А. Сагалаев 11 августа 2004 г. в с. Вывенка Олюторского р-на КАО (Материалы архивного фонда сектора фольклора Института филологии СО РАН).

<sup>13</sup> Имя собственное *Ымми* не этимологизируется, однако гипотетически можно допустить его связь со словом *ыма!* – звательной формой 'мама!'. Как объяснил Владимир Михайлович Нутаюлгин, носитель олюторского языка, 1964 г. р., в основном при обращении к матери употребляют сокращенную форму *ыма!*, полную форму *ылла* 'мама, мать' при обращении не используют. Однако о матери в третьем лице говорят *ылла*. В то же время у ребенка частенько могут спросить: *Мая гынин ымама?* 'Где твоя мама?'. Ребенок о своей матери скажет: *Гымнин ымама*, 'Моя мама'. Взрослый человек в разговоре с кем-либо никогда не скажет: *Гымнин ымама*, он скажет: *Гымнин ылла*.

<sup>14</sup> Номинация *виг'эЫмми* 'трава-Ымми' представляет собой инкорпоративный комплекс, в пределах которого объединяются две основы: стержневая – *Ымми* (имя собственное), зависимая – *виг'э* 'трава'.

<sup>15</sup> Мифологическая сказка «Амамкут и его жены», рассказала Наталья Григорьевна Чечулина, 1918 г. р., записал Ю. И. Шейкин в августе 1991 г. в пос. Оссора Карагинского р-на КАО (Материалы архивного фонда сектора фольклора Института филологии СО РАН).

*виг'эсисгыруытыль гэбынуасисива лыгаулыу тиулыткынин!*» «[Дочь Большого Ворона, девушка Тинианавут] травинку сорвала, потом отбросила назад. [Ымми:] «О-о, к племяннице приходи! Сегодняшнюю подмышечку травинки с раздражением назад отбросила!»<sup>16</sup>. В нымыланских мифологических сказках эпизод, повествующий о том, как дочь или сын Ворона Куткыннюку отбрасывают травинку (тетю Ымми), является устойчивым. В составе эпизода используется образное слово-выражение (инкорпоративный комплекс) *виг'эсисгыруытыль*<sup>17</sup> (букв.: подмышечка травы). Элемент телесности способствует созданию образа женщины-травы, имеющей антропоморфный облик.

Антропоморфность *виг'э* как мифологического персонажа проявилась и в малых жанрах корякского фольклора. Так, олицетворение травы *виг'э* лежит в основе нымыланской рифмованной загадки: *Гытты – уанинжали, гыммо – в'утиңжали* 'Ты – с той стороны, я – с этой стороны' (ответ: *нысаквиг'аю* 'травяные стельки')<sup>18</sup>. В обиходе траву *виг'э* использовали для изготовления сменных стелек в корякской обуви [Прыткова 1976: 58]. В загадке о стельках отразилось представление о траве как об одушевленном существе. Согласно традиционным верованиям, трава *виг'э*, из которой делали стельки, может повлиять на судьбу человека. С этими представлениями были связаны некоторые поверья: «Если в торбазах стелька из сена стала влажной или изнасилась, на нее нельзя подкладывать новую траву. Если на старое положить новое, то будешь в жизни несколько раз жениться или выходить замуж. Выбрасывая старую стельку, надо на нее несколько раз плюнуть для того, чтобы, если *нинвит*<sup>19</sup> увидит стельку и спросит, где хозяин торбазов, стелька направила его в противоположную сторону. Если не плюнешь, то *нинвит* погонится за хозяином и причинит ему вред» [Малюкович 2023: 61].

Особая роль, которая отводилась образу травы в фольклоре, была обусловлена широкой практикой использования травы в бытовой жизни коряков-нымыланов. В начале XX в. В. И. Иохельсон в ходе этнографической экспедиции к береговым корякам обратил внимание на изделия из травы (коврики, корзинки, корзины) и подробно описал типы традиционного корякского плетения [Иохельсон 1997: 140–144]. В настоящее время традиция плетения изделий из травы уже не является утилитарной необходимостью. Привозные паласы, дорожки, ковры вытеснили традиционные травяные коврики.

Для плетения изделий коряки-нымыланы использовали траву *тыв'аю* [təwaju] 'колосняк, род многолетних травянистых растений семейства злаковые' (*Leymus mollis*). Л. И. Чечулина рассказала о двух типах травяных ковриков: *Нымеуаллауинав'исасев'в'и натэкыткына ытти таутикеув'в'и виг'айинав'* 'Большие травяные настенные ковры делают они, а еще паласы травяные'<sup>20</sup>. В культуре коряков-нымыланов травяные коврики *таутикеув'в'и* и *исасев'в'и* различались по функции. *Таутикеув'в'и* использовались как паласы, которыми застилали пол в полуподземном традиционном жилище, а травяные коврики *исасев'в'и* вешали на стены, чтобы со стен не осыпалась земля. Лексема *исасе* отмечена в нымыланско-русском словаре: «*Исасе* – циновка или занавеска, которую подвешивают внутри землянки по стенам» [Нагаяма и др. 2017: 102]. Основа слова *исасе* является производной. Данная основа выявляется в структуре топонима *Исасевыррын*. Такое народное название носит одна из сопки Карагинского района. Существует топонимическое предание об этой сопке: *Г'опта ынунин Исасевыррын – бэбын уанык Исасевыррык мис'ауавысунын юнатыткын гуноньюта* 'Вот, например, [сопка] Исасевыррын – как будто там [на сопке] Исасевыррын красивая женщина живет с ребенком'<sup>21</sup>. Отметим сюжетное сходство данного топонимического предания и мифологической сказки об

<sup>16</sup> Мифологическая сказка «Пестрый кит», рассказала Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г. р., уроженка с. Анапка Карагинского р-на, записала А. А. Мальцева в 2005 г. в пос. Оссора Карагинского р-на КАО.

<sup>17</sup> Слово *виг'эсисгыруытыль* содержит в своей структуре две основы: стержневую основу *сисгыру-* (от *сисгиу* 'подмышка') и зависимую основу *виг'э* 'травя', а также суффикс *-тыль* с уменьшительно-ласкательным значением.

<sup>18</sup> Загадку рассказала Л. И. Чечулина, записала Т. А. Голованева 8 октября 2024 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

<sup>19</sup> *Нинвит* (алютор. *ни́виг*) – в корякской мифологии злобное существо, которое вредит человеку.

<sup>20</sup> Рассказала Л. И. Чечулина, записали А. А. Мальцева, Т. А. Голованева в июне 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

<sup>21</sup> Топонимическое предание о сопке *Исасевыррын* рассказала Л. И. Чечулина, записали А. А. Мальцева, Т. А. Голованева в июне 2010 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

Иривиз-спелой-траве, покинутой своим мужем Амамкутом, которая тоже живет одна с ребенком вдали от людей и занимается плетением из травы. В структуре топонима *Исасевырыын* выделяются две основы: стержневая *вырры-* (*вырратык* ‘виднеться, быть похожим’) и зависимая *исасе* ‘сплетенный из высушенной травы настенный коврик’. Семантика основы *исасе* уже далеко не всегда опознается местными жителями, так как традиционные ныммыланские травяные ковры *исасев’в’и* вышли из употребления. Слово *исасев’в’и* перестало функционировать, забылось, в результате топоним *Исасевырыын* утратил свою семантическую наполненность и метафорическую образность.

Из травяных нитей плели не только коврики, но также корзинки и корзины. В 2018 г. сотрудники Камчатского центра народного творчества М. Е. Беляева и А. А. Сорокин совместно с С. С. Голиковой подготовили издание, в котором содержится подробное описание, а также схемы, позволяющие пошагово воспроизвести традиционную ныммыланскую технологию [Плетение изделий... 2018]. Небольшие корзинки, с которыми ходили за ягодами и кореньями, называли *йыррусгын* (ед. ч.). Помимо корзинок *йыррусгув’в’и* (мн. ч.) в культуре коряков-ныммыланов использовались большие травяные корзины *ляпан* (ед. ч.), *ляпав’в’и* (мн. ч.) наподобие заплечной сумы. Л. И. Чечулина объяснила: «Корзины *ляпан* носили за спиной, как рюкзаки, только ляпка проходила через лоб. В таких корзинах-*ляпан* переносили маленьких детей, иногда мох для памперсов. Корзину-*ляпан*, наполненную мхом, могли использовать как подушечку для ребенка»<sup>22</sup>. Показательно, что в корякских сказках большие травяные корзины упоминаются как постоянный атрибут женских персонажей. Связано это с тем, что еще в начале XX в. травяные корзины употреблялись «главным образом для хранения принадлежностей женских работ» [Иохельсон 1997: 142]. Обратим внимание на тот факт, что в корякских сказках, записанных на рубеже XX–XXI вв., для номинации большой травяной корзины-сумы используется инкорпоративный комплекс (номинация описательного типа) *виг’энуткит*<sup>23</sup> ‘травяной мешок’ вместо непроизводной лексемы *ляпан*: *Патвантырат наҕам гаттиллин уанин виг’энуткит, гайыргал г’опта таҕа* ‘В [ее] травяной мешок положили куклы-патыв и заполнили его всем подряд’<sup>24</sup>. Замена исконного слова *ляпан* ‘заплечная травяная корзина’ описательной номинацией *виг’энуткит* ‘травяной мешок’ связана с тем, что этот традиционный предмет быта к 1960–1970 гг. всецело был заменен привозными тканевыми и полиэтиленовыми мешками. Утрата исконных предметов быта повлекла за собой архаизацию соответствующей лексики, однако функции данного атрибута оказались сюжетообразующими для мифологической сказки, поэтому в текстах корякских сказок данный атрибут устойчиво сохраняется, хотя обозначен он уже при помощи описательной номинации.

### Заключение

Сбор и заготовка трав, плетение из травы играли важную роль в бытовой повседневности коряков-ныммыланов, что нашло свое отражение в мифологическом фольклоре и обрядовой практике. Под влиянием кардинальных изменений, произошедших в социально-бытовой жизни коренных народов Камчатки, исчезла утилитарная необходимость в трудоемком промысле плетения изделий из травы. Однако утраченный к настоящему времени традиционный уклад послужил основой для формирования национального фольклора, смысл которого с позиции современного читателя разгадать невозможно. Зафиксированные фольклорные тексты предстают перед нами как алогичные повествования, лишенные смысла. Но такое восприятие характеризует не сами эти тексты, а только нашу неспособность их понять. Анализ этнографических свидетельств, запись и расшифровка воспоминаний об обычаях, изучение традиционных технологий, исчезнувших к настоящему времени, позволяют подобрать ключ к пониманию образов традиционного фольклора, который передан нам как наследие ушедшей эпохи.

<sup>22</sup> Рассказала по-русски Л. И. Чечулина, записала Т. А. Голованева 8 октября 2024 г. в г. Петропавловске-Камчатском (ЛАА).

<sup>23</sup> Структура инкорпоративного комплекса *виг’энуткит* ‘травяной мешок’ включает две основы. В качестве стержневой выступает основа *нуткит* ‘мешок’, в качестве зависимой – *виг’э* ‘травя’.

<sup>24</sup> Мифологическая сказка «Брак Лилилгатиинанавыт и Медведя», рассказала Анна Егоровна Мулитка, 1926 г. р., уроженка с. Вывенка Олюторского района, записали А. А. Мальцева, Е. Л. Крунич (Тирон), К. А. Сагалаев 11 августа 2004 г. в с. Вывенка Олюторского р-на КАО.

### Список литературы

- Алфавитный список языков России (с указанием их генетической принадлежности) // Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. / В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. М.: Academia, 2000. С. XLVII.
- Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л.: Наука, 1971. 216 с.
- Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.
- Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 303 с.
- Малюкович В. Н. Мелодия северного рассвета / Сост. С. В. Гаврилов. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2023. 448 с.
- Муравьева И. А. Алюторский язык как представитель чукотско-камчатской семьи языков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. IX, ч. 3. СПб.: Наука, 2013. С. 218–244.
- Плетение изделий из растительных материалов у коряков / Авт.-сост. М. Е. Беляева, А. А. Сорокин, С. С. Голикова. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2018. 58 с.
- Прыткова Н. Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 5–88.
- Иохельсон В. И. Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
- Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 2. (Л–Я). Саппоро, 2019. 140 с.
- Тирон Е. Л. Мифологические представления и фольклор зимнего оленеводческого праздника Пэгыттын коряков-чавчуженов // Кунсткамера. 2023. № 1 (19). С. 55–74.
- Jochelson W. The Koryak. Material Culture and social organization / The Jesup North Pacific Expedition. Vol. VI. Ed. by F. Boas. Leiden, New York, 1908. 841 p. URL: <http://www.kscnet.ru/ivs/bibl/kor/cont.htm> (дата обращения: 01.02.2025).

### References

- Alfavitnyy spisok yazykov Rossii (s ukazaniem ikh geneticheskoy prinadlezhnosti) [Alphabetical list of languages of Russia (with indication of their genetic affiliation)]. In: *Pis'mennyye yazyki mira: Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. Kn. 1* [Written Languages of the World: Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia. Bk. 1]. V. M. Solntsev, V. Yu. Mikhal'chenko (Eds.). Moscow, Academia, 2000, p. XLVII. (In Russ.)
- Antropova V. V. *Kul'tura i byt koryakov* [Culture and life of the Koryaks]. Leningrad, Nauka, 1971, 216 p. (In Russ.)
- Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Historical and comparative linguistics]. Moscow, Academia, 2005, 432 p. (In Russ.)
- Jochelson W. *The Koryak. Material Culture and social organization. The Jesup North Pacific Expedition*. F. Boas (Ed.). Leiden, New York, 1908, vol. VI, 841 p. URL: <http://www.kscnet.ru/ivs/bibl/kor/cont.htm> (accessed: 01.02.2025).
- Jochelson W. I. *Koryaki: Material'naya kul'tura i sotsial'naya organizatsiya* [The Koryak: Material culture and social organization]. St. Petersburg, Nauka, 1997, 237 p. (in Russ.)
- Malyukovich V. N. *Melodiya severnogo rassveta* [The melody of the northern dawn]. S. V. Gavrilov (Comp.). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Novaya kniga, 2023, 448 p. (In Russ.)
- Murav'eva I. A. Alyutorskiy yazyk kak predstavitel' chukotsko-kamchatskoy sem'i yazykov [Alutor language as a representative of the Chukotka-Kamchatka language family]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. N. N. Kazansky (Ed.). St. Petersburg, Nauka, 2013, vol. IX, pt. 3, pp. 218–244. (In Russ.)
- Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialect* [Nymylan-Russian dictionary: Alutor dialect]. Yu. Nagayama (Ed.). Sapporo, 2019, pt. 2. (L–Ya). 140 p. (In Alutor and Russ.)

*Pletenie izdeliy iz rastitel'nykh materialov u koryakov* [Weaving of products from plant materials among the Koryak people]. M. E. Belyaeva, A. A. Sorokin, S. S. Golikova (Comps.). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatpress, 2018, 58 p. (In Russ.)

Prytkova N. F. Odezhda chukchey, koryakov i itel'menov [Clothing of the Chukchi, Koryaks and Itelmens]. In: *Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa* [Material culture of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 5–88. (In Russ.)

Tiron E. L. Mifologicheskie predstavleniya i fol'klor zimnego olenevodcheskogo prazdnika Pegytnyn koryakov-chavchuvonov [Mythological beliefs and folklore of the winter reindeer herders' festival Pegytnyn of Koryaks-Chauchuvens]. *Kunstkamera*. 2023, no. 1 (iss. 19), pp. 55–74. (In Russ.)

Vdovin I. S. *Ocherki etnicheskoy istorii koryakov* [Essays on the ethnic history of the Koryak people]. Leningrad, Nauka, 1973, 303 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию*  
*The manuscript was submitted on*  
03.02.2025

### **Сведения об авторе** **Information about the Author**

*Татьяна Александровна Голованева* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института филологии Сибирского отделения РАН, (г. Новосибирск, Россия)

*Tatyana A. Golovaneva* – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: gta-77@mail.ru  
ORCID 0000-0003-4980-8150